

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-247-267>

УДК 81.114

ББК 81.2-67 + 83.3(4Ита=416)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. П. Пилипенко

г. Москва, Россия

ВОСПРИЯТИЕ ТРИЕСТА В НАРРАТИВАХ СЛОВЕНЦЕВ ИТАЛИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация: В статье рассматривается перцепция города Триеста в нарративах представителей словенского миноритарного сообщества в Италии через призму славяно-романских языковых и культурных контактов. На основании собственных полевых материалов, а также лексикографических данных и этнографической литературы автор анализирует слова и выражения (в том числе фразеологизмы), в которых содержится упоминание Триеста и связанных с городом топонимов и социально-экономических практик. Отдельное внимание уделяется языковой ситуации в городе и в соседних с ним селах, обсуждается значение и роль итальянского языка и местного диалекта Триеста, заимствованных славянских лексем и выражений, их функционирование в речи горожан. С Триестом связана языковая и культурная идентичность рассматриваемой группы словенских информантов. С одной стороны, Триест ассоциируется у информантов с преобладанием итальянского языка, что отражается в их речи в виде переключения кода, с другой стороны, признается значение Триеста в социально-экономической и культурной жизни всех словенцев. Параллельное сосуществование двух общин в последнее время претерпевает изменения: происходит постепенное открытие гомогенных словенских поселений италофонными жителями города и формирование новой языковой ситуации.

Ключевые слова: словенский язык, итальянский язык, Триест, диалект, полевое исследование, Италия, нарратив, топонимика, переключение кода, идентичность.

Информация об авторе: Глеб Петрович Пилипенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский проспект, д. 32А, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5422-0039> E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Дата поступления: 03.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 06.02.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Пилипенко Г. П. Восприятие Триеста в нарративах словенцев Италии // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 247–267. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-247-267>

0.1. Город Триест (итал. Trieste, словен. хорв. Trst) расположен на севере Италии, он является столицей автономного региона Фриули-Венеция-Джулия (итал. Friuli Venezia Giulia, словен. Furlanija Julijska Krajina), где проживает несколько автохтонных сообществ: фриулы, словенцы, немцы [51]. Общая численность населения региона составляет 1.218.985 [11]. Оценки численности словенского меньшинства разнятся по причине отсутствия данных по национальной принадлежности и языку в итальянских переписях населения, называются цифры от 95 до 100 тыс. словенцев [24, s. 195]. В местах компактного проживания словенского населения используется словенский язык в образовании, в деятельности культурных и общественных организаций, в административных надписях. В настоящей статье внимание уделяется словенской диаспоре в Триесте и его окрестностях (в этой провинции сконцентрировано больше всего словенского населения [30, s. 66]). В городе сложился симбиоз романской, славянской и немецкой культур и традиций, поскольку находится он на пограничье трех ареалов: романского, славянского и отчасти — германского [1, с. 157].

0.2. Триест как объект исследований интересует историков, литературоведов, лингвистов. Исследованием триестинской идентичности в итальянской и словенской литературе посвящена работа А. Торош [48; 49], там же представлен обзор научных публикаций по данной проблематике. Б. Кравос говорит в этой связи о феномене триестинского текста [26]. Пограничное положение и влияние на идентичность жителей города обсуждается в [9; 8]. К. Пицци пишет о пограничной идентичности в литературе Триеста [36; 37]. Н. Н. Старикова развивает эту тему на примере творчества словенского писателя Б. Пахора [5]. Роль Триеста в литературном творчестве и судьбе словенских писателей анализируется в [18; 29]. По мнению Л. Умек, словенский роман Триеста включает мотив сопротивления чужой реальности в городе, мотив угрозы, запрета языка, переселения, повествование развивается через призму словенского национального движения [50]. Такая позиция обусловлена межнациональным антагонизмом, следует отметить, что в итальянской публицистике начала века славяне часто рассматривались как «пришлые» [12].

Вопросы урбанизма в Триесте, а также в соседнем словенском городе Копер исследует Н. Чеброн Липовец [13]. Особое место в изучении истории города и литературного процесса XX в. занимает фигура Дж. Джойса и перцепция Триеста в его творчестве [13; 54]. К социальным процессам и этнической ситуации обращается Д. Ю. Мартынова [1]. Сохранение словенского языка, преподавание его в школах региона, становится главной темой в работах [24; 52]. Языковой ландшафт Триеста находится в центре внимания в публикациях [31; 49]. О диалекте Триеста, в том числе заимствованных славизмах, пишут М. Дориа [16], автор словаря итальянского говора Триеста [17], а также В. Дежелин [15].

0.3. Целью статьи является определение контекстов, в которых упоминается Триест и связанные с ним социальные, культурные и языковые явления в нарративах, записанных от представителей словенской общности в одноименной итальянской провинции. Данное исследование основано на результатах полевой работы. Во время сбора материала использовался метод полуструктурированного интервью для выявления лингвистических, социолингвистических, этнолингвистических и этнографических сведений. Были обследованы коммуны непосредственно города Триеста, а также Сан-Дорлиго-делла-Валле (итал. San Dorligo della Valle, словен. Dolina) и Дуино-Ауризина

(итал. Duino-Aurisina, словен. Devin-Nabrežina)¹. Опрошено 25 информантов в возрасте от 94 до 23 лет.

В статье будут проанализированы нарративы информантов, словенцев, происходящих из окрестных с Триестом сел, а также из районов самого Триеста, и данные из лексикографических источников, научных лингвистических и этнографических работ, которые отражают результаты славяно-романских контактов в рассматриваемом регионе. Информанты, рассказывая о себе, своей семье, традициях, так или иначе упоминают Триест, что неслучайно, поскольку это крупный культурный, экономический и политический центр. Сама городская среда в большей степени итальянская, тогда как в окрестных селах распространен словенский язык. В нарративах, связанных с Триестом, актуализируются темы межэтнического взаимодействия (например, билингвизм, языковая ситуация, языковые конфликты).

1. На протяжении истории данная область была местом взаимодействия двух миров — романского и славянского, сам же Триест, как портовый город, наделенный привилегиями, всегда был мультиэтничным: здесь селились помимо итальянцев и словенцев хорваты, греки, сербы, армяне и другие народы (об истории Триеста см.: [1, с. 148–156]). По мере роста города увеличивалось и славянское присутствие — как за счет миграции из соседних сел, так и за счет включения в состав города словенских окраин. В результате демографических изменений в городе к концу XIX – в начале XX в. проживало больше словенцев, чем в любом другом городе на словенской этнической территории. Эта мысль находит отражение как в научном дискурсе [24, s. 199], так и в сознании наших информантов:

1.1 *Trst je blo največje slovensko mesto, več kot Ljubljana v času Avstrije, mi smo meli več kot petdeset tisoč ljudi Slovencev, Ljubljana pa manj*² (Триест был самым большим словенским городом, больше, чем Любляна во время Австрии, у нас было пятьдесят тысяч словенцев, в Любляне меньше) (Триест, Барковле).

Установление границ с соседними словенскими селами на Кресе и в Истрии после Второй мировой войны значительно сузило зону влияния Триеста, с одной стороны, с другой — еще более сблизило окрестные села, оказавшиеся в Италии, с городской средой Триеста.

2. Город Триест и связанные с ним реалии являются составной частью многих узколокальных фразеологических единиц, характерных для приморской диалектной зоны Истрии [28]. Например, выражения *iti v Trst gledat Mihca in Jakca* (идти в Триест смотреть на Михеца и Якеца)/ *iti v Trst gledat na uro* (идти смотреть на часы) [28, s. 188] содержат упоминание двух фигур, расположенных на часах на главной площади города (итал. Piazza Unità), и имеют значение «напрасно идти в Триест, не для того, чтобы что-то продать», что отражает социально-экономические реалии прошлого, когда словенцы из ближайших сел ходили в город на работу. В выражении *ti si za jet v Šan Giovanni* («ты должен пойти в Сан-Джованни») [28, s. 165] встречается упоминание района Триеста Сан-Джованни (словен. Sveti Ivan) (примечательно, что данная часть города передается в итальянском варианте), где была расположена психиатрическая больница, и обозначает ненормального человека. Фразеологизм *hoditi v Trst lizat*

¹ За помощь в проведении исследования благодарю сотрудников Института словенских исследований (SLORI) (Триест, Италия), в особенности др. Девана Ягодица и др. Заиру Видау, сотрудника Приморского университета др. Клару Шуменяк (Копер, Словения), Агагу Вениер (Ауризина, Италия).

² В нарративах (на словенском и итальянском языках) используется запись, приближенная к стандартной орфографии. В диалектно окрашенной речи передаются характерные фонетические особенности. В скобках указано место записи.

babam/Lahom rit («ходить в Триест лизать бабам/итальянцам зад») [28, s. 187] передает недовольство чрезмерной услужливостью и любезностью словенцев по отношению к итальянцам, что особенно было обострено в период межнационального антагонизма и фашизма. Обращает на себе внимание здесь этноним *Lah*, который используется по отношению к итальянцам и фриулам вполне нейтрально (ср. в говоре Бовца [22, s. 60], в долине Натизоне [46, s. 91]), однако может иметь и отрицательную коннотацию [42]. Образованное от него прилагательное употреблено в *prati laški gvant* («стирать итальянскую одежду») [28, s. 187]. Хотя здесь не содержится упоминание Триеста, город подразумевается. Речь идет о стирке белья: в прошлом многие женщины из соседних сел работали прачками в семьях итальянцев в Триесте. В Сан-Дорлиго-делла-Валле нами было зафиксировано похожее выражение, в котором употреблено прилагательное, образованное от города: *prati tržašće štrace* («стирать триестинские лохмотья»). Нет названия города и в *imeti koliko bab* («иметь сколько-то баб») [28, s. 189], однако местным жителям было понятно, что имелись в виду клиенты молочниц, прачек и т. д., живущие в Триесте. *Iti z malim* («нести малое количество продуктов в Триест») [28, s. 189] также имплицитно содержит образ города, как и *žena drži pet kantonov od hiše* («женщина держит пять углов дома», т. е. еще один угол в доме семьи, где она работает, в Триесте) [28, s. 186]. Эти устойчивые выражения свидетельствуют о важной роли, которую имел (и продолжает иметь) Триест в социальной и экономической жизни близлежащих населенных пунктов со славянским населением.

Название приморского города фигурирует и в поговорках: *lepo po vrsti, kakor so hiše v Trsti* («хорошо по порядку (в ряд), как дома в Триесте») [25]. Форма *v Trsti* — диалектная, однако именно она закрепилась в поговорке, вероятно, из-за рифмы. Появление Триеста тоже не случайно, ведь в сознании словенцев, особенно жителей юго-запада словенской этнической территории, это большой город с большим количеством домов (о чем свидетельствует также упоминание его в народных песнях).

3. В речи информантов для обозначения жителей Триеста используются два этнохоронима: *tržacani* (м.р. *tržacan*, ж.р. *tržacanka*) и *triještini* (м.р. *triještinec*, ж.р. *triještinka*). Первое существительное образовано от словенского названия города — *Trst* — и распространено в словенском литературном языке. Второе — по происхождению от итальянского наименования — *Trieste* — и представляет собой заимствование от итальянской основы — *triestino*. Регулярное словенское прилагательное, образованное от *Trst* — *tržaški*. Параллельно употребляется информантами и прилагательное *triještinski*. В хорватских говорах Истрии фиксируется как *Triješt* (юго-запад полуострова), так и *Trs*, прилагательное — *triještinski* [21]. Хорватский лингвистический портал приводит лексемы *Triještina*, *Triještinka*, *triještinski* с пометой «региональное» и «фамильярное» [20].

От названия города образовано много местных слов с локальным значением. Так, *tržacan*, помимо жителя города, означает еще и поезд, который идет в Триест [42]. Именно поездом добирались многие жители окрестных сел в город на работу [28, s. 169]. В Истрии в народной музыке получил распространение в XX в. небольшой аккордеон, который называется *triještina*, *triještinka* (итал. *triestina*) [32], поскольку изготавливался в городе.

3.1 *Samo Triještini so tu tako preimenovali po svoje* (Только жители Триеста так называли по-своему) (Долина);

3.2 *S Tržacanom morš ywärt tržaški, v narečju* (С жителем Триеста ты должен говорить на триестинском наречии [итальянского языка]) (Мачковле);

3.3 *Ankrat so ble cukéte, triještinske, samo triještinske smo poznale* (Тогда были тыквы, триестинские, только их мы знали) (Мачковле).

В приведенных примерах этнохоронимы и прилагательные, образованные от словенского и итальянского названия Триеста, функционируют параллельно и кажутся взаимозаменяемыми. Кроме того, они встречаются в идиолекте одного и того же собеседника. В 3.3 прилагательное *triještinski* употреблено в сочетании с диалектизмом из приморской зоны *cuketa* — молодая тыква (ср. итал. *zucca* — тыква) [42] для обозначения сорта данного растения, известного в этой местности, речь идет об уникальном региональном явлении. Наряду с тыквой прилагательное «триестинский» используется в сочетании с разновидностью салата — *tržaški radič* (итал. *radicchio* — итальянский цикорий).

4. Говоря о Триесте, информанты часто используют не только название города, но и заменяют его другими лексемами. Поскольку Триест географически расположен ниже сельских поселений, в которых проживают словенцы, собеседники употребляют наречие *dol* (внизу)³. В некоторых случаях наречие используется в дополнение к географическому названию либо к объекту:

4.1 *Dve tete v Sesljanu dol so bli, so imeli pekarno* (Две тетки в Систиане были там внизу, у них была пекарня) (Сливно);

4.2 *Te dole v Miljah je blo duostə, in zətu tədə ljudje so spustile kmetijstvo* (А внизу в Муджи было много, и поэтому люди оставили сельское хозяйство) (Мачковле);

4.3 *Samo takrat z Gročan so vozili tem ljudem pridelke dol, in so prodajali* (Тогда из Грочаны возили туда вниз людям продукты и продавали) (Грочана).

Местоположение Триеста маркируется при помощи наречия *dol/dole* — в словенском языке это наречие употребляется как для обозначения движения к месту, расположенному внизу (вниз), так и для обозначения самого места (внизу). В 4.1 и 4.2 это же наречие применяется для обозначения других приморских поселений — Систианы (итал. Sistiana, словен. Sesljan) и Муджи (итал. Muggia, словен. Milje).

5. Триест может быть назван словом «город» (*mesto*). Подобная номинация является достаточно распространенной практикой для сельских сообществ, например, в Прекмурье статус города имела только Мурска-Собота, и только ее называли *varoš* (словен. прекмур. город). То же самое характерно для Порабья, где единственный крупный город Сентготтард также в речи жителей окрестных деревень именуется «городом» (*varoš*) [3, с. 10].

5.1 *So se izselili v mesto, so šli v Trst, recimo živeli v Trstu* (Они переехали в город, поехали в Триест, скажем, жили в Триесте) (Грочана);

5.2 *Pero je živəw w meste* (Но он жил в городе) (Мачковле);

5.3 *Nisen šla skoraj nikoli v mesto, ker nisem imela potrebe* (Я почти не ездила в город, потому что у меня не было необходимости) (Долина).

Лексема *mesto* является синонимом Триеста. Как и в случае с наречием *dol* (4.1, 4.2), может происходить дублирование: *mesto* употребляется в дополнение к географическому названию (5.1). Однако и самостоятельное употребление *mesto* встречается довольно часто.

³ Такой характер этнического распределения населения характерен для восточной Адриатики — города оставались с романским населением, тогда как в пригородах жили славяне. П. Скок на основе данных топонимики устанавливает, в Далмации славяне селились за городскими стенами [40, с. 13]. По статистическим данным начала XX в. видно, что только 16% словенцев проживало в центре Триеста, 53% — в пригородах, и 92% — в близлежащих селах [10, с. 55].

6. Рассмотрим подробнее экономическую деятельность населения, которая была связана с городской средой и городским пространством. Женщины из ближайших сел ходили на рынок продавать овощи, зелень, фрукты, яйца, продукты домашнего хозяйства, рыбу; разносили по домам своих клиентов молочные продукты; брали у горожан вещи для стирки [28, s. 169]. Основным местом реализации сельскохозяйственной продукции был рынок в Триесте. Сейчас крытый рынок, где продают свою продукцию жители окрестных сел, находится на улице Кардуччи. В 6.1 исследователя интересовало местонахождение рынка, куда ходили женщины из семьи собеседницы, а также — существует ли этот рынок сегодня:

6.1 *So vozili v Trst na pokriti trg, zelenjavo ... tržnica, samo ni na odprtem prostoru, ampak je v stavbi, tako, zato pokriti trg ... na Via Carducci ... ta tržnica, je še vedno, še vedno prodajajo tam* (Возили в Триест на **крытый рынок**, овощи ... рынок, только не под открытым небом, а в помещении, поэтому крытый рынок ... на **Via Carducci** ... этот рынок все еще существует, все еще продают там (Мачковле).

Другой фрагмент, в котором речь идет о рынке в Триесте, был записан от жительницы Триеста. Здесь несколько меняется перспектива, если в 6.1 была беседа с жителями, чьи родственники еще недавно сами ходили в Триест на рынок, то в 6.2. говорят потребители данной продукции, жители Триеста — словенцы. Собеседница упоминает мост Понте-Россо (словен. *Rusi most*), рядом с которым располагается рынок. Характерно, что в приводимых высказываниях для городской топонимики информанты используют итальянские названия (ср. с использованием топонимов в Гориции [7]). О разной перцепции этого рынка в триестинской поэзии XX в. пишет А. Торош: с точки зрения итальянских авторов — это яркое место, где происходит много событий, он воспринимается из перспективы покупателя. В словенской же поэзии рынок у моста Понте-Россо ассоциируется с трудом словенцев, которые доставляли свою продукцию на продажу, чтобы прокормить семьи. Кроме того, в период фашизма на рынке запрещено было говорить по-словенски, что еще больше усугубляло разрыв в восприятии этого места в сознании двух общин [48, p. 46].

6.2 *Ponte Rosso, samo tukaj je bila samo zelenjava, ki v bistvu je bla, so jo pridelovali v okolici in to tudi potem prodajali ... značilen za Trst je ta Ponte Rosso* (Понте-Россо, только тут были овощи, которые выращивали в окрестностях, а затем это продавали ... характерным для Триеста был Понте-Россо) (Триест, Св. Иван).

Для обозначения рынка удалось зафиксировать лексемы: (*pokriti*) *trg*, *tržnica* и заимствование — *merkato* (итал. *mercato coperto* — крытый рынок) (*market*, *merkat*, *mrkat* — в хорватских говорах Истрии [21]). Лексема *tržnica* актуализируется при использовании литературного словенского языка.

6.3 *Smo mele, vse nosila na merkata, smo rekli mi ... vse na merkato, sma žiwli s tistam* (У нас было, все носили на рынок, мы говорили ... все на рынок, мы жили от этого) (Мачковле);

6.4 *Wse se je nosilo na merkato* (Все носили на рынок) (Мачковле);

6.5 *So morali vso ribo prinesiti v Trst, na glavno tržnico* (Они должны были всю рыбу принести в Триест, на главный рынок) (Триест, Св. Иван).

Для обозначения главного рыбного рынка используются словенское и итальянское название: *ribarnica* и *peškerija centrale* (итал. *pescheria centrale* — центральный рыбный рынок):

6.6 *Peškerija centrale, to je izredna arhitektonska zgradba, je bla najlepša ribarnica v Evropi* (Главный рыбный рынок (итал.), это выдающееся архитектурное здание, была самым красивым рыбным рынком в Европе) (Триест, Барковле).

Овощи и фрукты привозили в основном осенью, когда был урожай. Ниже приведены отрывки из бесед с информантами, в которых упоминаются товары для продажи в Триесте.

6.7 *Mama nosilā tād yruózdjā, puotlā sā prādajali tādā vino* (Мама носила тогда виноград, потом продавали вино) (Мачковле);

6.8 *Armeline smā meli, tādā sā nosilā* (Абрикосы были, их носили) (Мачковле);

6.9 *Sā j žiwlo tādā z zelenjavo, in sā m'elo rā'deč, bliédas, špináčo, mātāvīlc, fəžoléte, pomidóre, teyolíne* (Жили от продажи овощей, был радиккьо, мангольд, шпинат, полевой салат, стручковая фасоль, помидоры, коровий горох) (Мачковле);

6.10 *To so hodile na merkato, sā nāsile čriēšnje* (Ходили на рынок, носили черешню) (Мачковле);

6.11 *Mliéko, mi smo ya... prodajale* (Молоко, мы его ... подавали) (Мачковле).

Пршут, приготовление которого занимало длительное время, очень ценился и предназначался в основном для продажи:

6.12 *Pršut, so hdāli pruodat, več trzali, ku pa jeli* (Пршут, ходили продавать, больше продавали, чем ели) (Грочана).

7. Из женских профессий, которые были распространены в Триесте в XIX – первой половине XX вв., в нарративах чаще всего упоминаются молочницы (*mliékarca/mliekarica*), прачки (*perica*) (*lavandjera* [28, s. 171]); ср. итал. *lavandaia* — прачка), женщины, разносившие хлеб (*krúšawca*), и женщины, разносившие рыбу (*peškadorka*)⁴ (ср. итал. *pescatore* — рыбак, *peškat* — ловить рыбу в словенских говорах долины Нати-зоне [46, p. 167]).

7.1 *Potem so ženske pekile doma kruh, tako imenovane krúšawce, ki so ya nosile prodajat v Trst, potem so bile mlékarice, tukaj vsako jutro nosile vrče mleka v Trst in raznašale po hišah, so imele vsaka svoje področje, vsaka svoje odjemalce, potem so bile perice, ker v mestu ženske niso imele prostora za sušit, za prat, ne, perilo, posebno velike kose perila* (Женщины пекли дома хлеб, так называемые *krúšawce*, который носили продавать в Триест, затем были молочницы, здесь они каждое утро носили кувшины с молоком в Триест и разносили по домам, у каждой была своя территория, свои клиенты, затем были прачки, потому что в городе у женщин не было места для сушки и стирки, белья, особенно для белья большого размера) (Долина);

7.2 *Peškadorke, to je pescare, peškadorke, je iz italijanščine, to so ble žene al vdove ribičev naših* (*Peškadorke*, это от *pescare*, *peškadorke*, из итальянского языка, это были жены или вдовы рыбаков наших) (Триест, Барковле).

Женщины носили продавать рыбу не только в Триест, но и по всему Красу [53, s. 105–107]. Традиция продажи молока молочницами весьма распространена в Истрии и на Красе, не только в Триесте (о молочницах в Триесте см.: [39], в Монфальконе: [34]). По всей Истрии был распространен такой феномен, как *šavrinke*, так называли женщин, которые занимались перепродажей продуктов, разных товаров, чаще всего яиц (словен. *jajčarica* [27]).

Информант из словенской семьи в Триесте, которым молочницы приносили молоко, описывает сцену покупки молока в доме. У молочницы были специальные емкости, бидоны и кувшины для молока, каждый из которых был подписан для заказчика; информант также упоминает пути доставки — дорогу, по которой молочница спу-скалась в город и которая вела из села с гор вниз (*dol*), в Триест. Молочницы разносили молоко по домам своим постоянным клиентам (*na dom so prodajale*):

⁴ Актуализация лексем, связанных с женскими и мужскими профессиями, происходит в рассказах о событиях первой половины XX в.

7.4. [Mlekarica] *je mela več kangel, to so bile take lepe kangle ... in gor napisano ime ... ona je prišla čez hrib, so bile te stezice, ona je prišla dol, in prodajala to mleko, in potem je imela te vrčke, in v lonec je zčila pač kolko si hotel mleka* ([У молочницы] было много бидонов, были такие красивые бидоны ... и наверху написано имя ... она приходила через гору, были эти дорожки, она спускалась вниз и продавала это молоко, затем у нее были кувшины, в кастрюлю она наливала, сколько ты хотел молока) (Триест, Свети Иван).

Лексема *mlecherza, mlecarza* проникла в итальянский диалект Триеста из словенских говоров и обозначала женщину, разносившую молоко. Сегодня, однако, она мало употребительна и используется только в шутку [17; 41, p. 137]. Молодых женщин, приносивших в город молоко или другие продукты, триестинцы называли *Juza*, сокращенное уменьшительно-ласкательное от *Jovana* или *Marijuca* (пожилые именовались *baba*) [15, p. 431]. Непослушных детей пугали, что придет *Juza* и заберет их [28, s. 170]. Из женских занятий в Триесте, заимствованных из словенского языка в местный триестинский диалект (но которые не встретились в нашем корпусе), следует упомянуть также *peca* (женщина-пекарь), *pèstrna* (няня) [41, p. 137].

Из мужских профессий наиболее распространенными в XIX – первой половине XX вв. были плотник *karpentjér* (итал. *carpentiere* — плотник) (также в словенских говорах долины Натизоне [46, p. 76]), кузнец *kuvác* (вошел в триестинский диалект *sovac* [17]), столяр *tišlar* (нем. *Tischler*), строитель *zidár* и портовые рабочие *pwartwáli* (итал. *portualo* — портовый рабочий). Часто мужчины нанимались на поденную работу *žernada* [42], *na žornado* [27, p. 49], *na žrnado* [28, s. 169] (итал. *giornata* — поденная работа).

8. Рельеф местности оказал непосредственное воздействие на формирование маршрутов и способов доставки товаров в город. Для транспортировки использовали повозку, в которую был запряжен осел:

8.1 *Mlekrica je ženska, ki pripelja v kanglah mleko, in to mleko, je tukaj zraven, je blo pač vodnjak, in se je ustavljala s sinom, ki je bil malo tako ... z osličkom, osliček je bil vprežen in mi kot otroci smo hodili tja* (Молочница — это женщина, которая приносила в бидонах молоко, тут рядом был колодец, и она останавливалась с сыном, которым был таким ... и с осликом, ослик был запряжен, и мы, дети, ходили туда) (Триест, Свети Иван).

Кроме того, у молочницы была небольшая коляска: *preenca*.

8.2 *V Bazovice, v Bazovice je blo, a ja, drayano, na wlak sma tüdi šle, u-u, na wlak drayo, se spomnim, jaz in moja, naša, moja mama smo peljale s preenco dol do Peska, dol smo nesli, kar dol ni blo nač, je biw yuost, neset na ylavi trijset kil, dvajset kilow* (В Базовице, в Базовице было, да, дорого, на поезд мы тоже ходили, у-у, на поезде дорого, я помню, я и моя, наша, моя мама мы везли на коляске вниз в деревню Песек, вниз мы носили, потому что не было ничего, был лес, нести на голове тридцать килограммов, двадцать килограммов) (Грочана).

В 8.2 упоминается поезд, которым добирались до Триеста (*korjera*). Там же говорится об одном из самых распространенных способов переноски *na plenerju* (ср. *plenjir* — корзина, от итал. *paniere* — то же [38; 34, s. 35]; на юго-западе Истрии в хорватских говорах — *paner*, в северо-западной — *panir, plnier, planier*) [21]) — в специальной корзине, которую помещали на голову (напр. кувшины с молоком, корзины с рыбой, яйцами, бельем) и таким образом добирались в город. Этот способ требовал особого умения держать равновесие, однако так можно было перенести груз весом в несколько десятков килограммов.

8.3 *Posebno kraške ženske so šli vsaki dan v pristan, ko je prišla sveža riba od nočnega lova so vzeli to ribo, si jo stavili na **plenjer** na glavo, dvajset-trideset kilogramov, in nardili usemstu stupnic, kar ni bilo druge poti, iz morja* (В особенности женщины с Краса каждый день приходили на пристань, когда приходила свежая рыба ночного улова, они брали эту рыбу, клали ее в корзину на голове, двадцать-тридцать килограммов, и поднимались вверх на восемьсот ступенек, потому что не было другой дороги, из моря) (Триест, Барковле);

8.4 *Na glavi je bil plenjer, ta koš, ampak pod **plenerjem** se reče, je bil **svitek**, to narejeno iz tkanine da ni tiščalo na glavi in je lažje držala ravnovesje* (На голове была корзина, но под той корзиной была подкладка, сделанная из ткани, чтобы не давил груз на голову и для лучшего удержания равновесия) (Триест, Барковле).

Под голову женщины клали специально сплетенный *svitek* (8.4) [42], лексема фиксируется также в итальянском говоре Триеста *sfitec, svitec, zvitec* [41, p. 137], чтобы легче было переносить тяжелые корзины. Особенно тяжелый путь приходилось проделывать торговкам рыбой: с Краса нужно было спуститься на пристань, а затем опять подняться в гору, чтобы добраться до Триеста. Для перевозки более массивного и тяжелого товара, каким, например, является камень, добываемый в окрестностях Ауризины, использовали волов, запряженных в повозку. Собеседник здесь уточняет, что такой способ доставки камня использовался еще до войны.

8.5 *To je blo pred vojsko, oče je šew s **parom volov**, vozil v Trst kamenj tukaj nabrežinski* (Это было до войны, отец ходил с парой волов, он возил в Триест набрежинский камень) (Сливно).

9. Обратимся к языковому поведению и языковым стратегиям жителей соседних с Триестом сел, а также к языковой ситуации. Один из важнейших маркеров идентичности Триеста — местный говор (итал. *triestino*), который является важной составной частью языковой ситуации в городе [9, p. 1093–1094]. До XIX в. в Триесте был распространен диалект фриульского языка (итал. *tergestino*), вытесненный затем диалектом венецианского типа [6, с. 117]. Сегодня он является неотъемлемой характеристикой языкового портрета потомственного горожанина. Лексические особенности диалекта, его социальная роль обсуждаются в ряде статей, см. библиографию [45]. Славизмы в речи жителей города анализируются в [16], роль диалекта Триеста в творчестве писателей (в том числе Дж. Джойса и И. Звево) находится в центре внимания исследователей [54; 33]. Собеседники признают, что владение этим диалектом — отличительный признак настоящих горожан, в отличие от беженцев из Истрии (итал. *esuli*), которые поселились в городе и его окрестностях (итал. *borgo*), в том числе среди словенских поселений, в послевоенный период [13, p. 204–205; 24].

9.1 *In tržačane so šli proč, so ostale Istrijane, zdej zelo malo ljudi, in Istrijani je priniesw njeow dijalekt, na tržaškə!* (И жители Триеста ушли, остались истрийцы, сейчас очень мало людей, и жители Истрии принесли свой диалект, не триестинский!) (Мачковле);

9.2 *Za nas je normalno, da govorimo lingua franca v Trstu je tržaščina italijanska, italijanska tržaščina, to moraš znat absolutno zato, da preživiš, tudi, recimo, smešnice, ne, če jih boš pripovedoval, jih boš pripovedoval v tržaščini italijanski, ki je spet, to je tista mešanica furlanščine z vplivi slovanskih jezikov* (Для нас нормально, что мы говорим на лингва-франка, в Триесте это итальянский диалект это ты должен знать обязательно. И анекдоты, ты их будешь рассказывать на итальянском диалекте Триеста, который является смесью фриульского языка с влияниями славянских языков) (Св. Иван).

В 9.2 собеседница, говоря о диалекте Триест, ставит атрибут в постпозицию к существительному (*tržaščina italijanska*), т. е. следует итальянскому порядку слов, что, впрочем, характерно и для западных словенских диалектов и что приписывается романскому влиянию [43]. Кроме того, важным оказываются и местные городские истории-анекдоты, весь колорит которых состоит в использовании именно триестинского диалекта. Словенцы в Триесте, таким образом, к языковой компетенции на итальянском языке, добавляют еще и местный городской диалект. В результате их языковая компетенция включает владение четырьмя кодами: помимо двух кодов на итальянской основе, два кода на словенской — локальное наречие и литературный язык.

9.3 *Muj muož, wən je rojen v Trstə, je hodəw w slovensko šolo w Waspe, pero je žiwəw w meste, wən znaw ləpu tržaško starwo, već tržaško, ki bi riekəw wən: „Jəs vidən rəzlikwə, kdu je”* (Мой муж, он родился в Триесте, он ходил в словенскую школу в Оспе, но жил в городе. Он знал хорошо по-триестински, старый диалект, больше по-триестински, он говорил: «Я вижу разницу, кто есть кто [кто говорит]») (Мачковле).

Перцепция структурных особенностей диалекта Триеста была зафиксирована в метаязыковых высказываниях собеседников. Чаще всего отмечают лексические расхождения с литературным итальянским языком:

9.4. *Ma recimo, namesto forchetta, ki je vilc, mislim vilc, kako se reče vilc? E-e, v slovenščini, vilc [смех], in v tržaščini, mislim, forchetta v italijanščini in v tržaščini je **piròn**, je prav drugi termin, ti mi porti **un bichier**, mi prinesi še en kozarc, ne un bicchiere, ne* (Скажем, вместо *forchetta*, это вилка, как сказать вилка? По-словенски [литературно] [смех], и в диалекте Триеста, *forchetta* по-итальянски, а в диалекте Триеста — *piròn*, совсем другой термин, *ti mi porti un bichier*, принеси мне еще один стакан, *un bicchiere*) (Набрежина).

Из четырех кодов информант не смог вспомнить название вилки в словенском литературном языке (*vilice*), тогда как словенский диалект Триеста (*piròn*), итальянский литературный язык (*forchetta*) и местный словенский диалект (*vilc*) активны.

Собеседники в своих метаязыковых комментариях также обращают внимание на славянские лексемы в диалекте Триеста:

9.5 *Ja, recimo, ko oni rečejo da jih zebe, rečejo: **che zima!*** (Да, скажем, когда они говорят: *che zima!* (как холодно!) (Долина);

9.6 *Recimo, oni rečejo **bubez**, ki v našem narečju, to so prav vzeli iz narečja, ker to obstaja samo v narečju, pomeni otrok, in ga uporabljajo bodisi za otroke kot tudi za osebe ki, recimo, ki majo delat težaška dela, **esser il bubez della situazione**, no, **ti te fai bubez**, recimo, ko sem bla tam za delo v baru, je bla ena sošolka, in je ta profesor hecno je rekel: **Cristina, ti te fai bubez**, tudi za ženske* (Скажем, они говорят *bubez*, который в нашем наречии, это они взяли из наречия, потому что существует только в наречии. Означает «ребенок», и его используют или для обозначения детей, или для обозначения людей, которые выполняют тяжелую работу, *esser il bubez della situazione*, no, *ti te fai bubez*, скажем, когда я работала в баре, было одна одноклассница, и преподаватель в шутку сказал: *Cristina, ti te fai bubez*. Также для женщин используется) (Долина).

В 9.5 и 9.6 актуализированы лексемы из диалекта Триеста, заимствованные у словенцев (*zima*, *bubec*). Подробнее об этих двух лексемах см. [41]. Хотя *bubec* (приморское — мальчик-подросток [42]) заимствуется из немецкого языка, однако он перенимается в триестинском диалекте со словенским суффиксом *-ec* [41, p. 138] (в говоре Ауризины *bub'c* — отмечается, что в триестинском диалекте это слово имеет значение «подмастерье, ученик» [19, p. 350]). Имея самостоятельное значение, это слово также

входит в устойчивые выражения, в которых, как видно из примеров, проявляются морфологические характеристики, свойственные итальянским диалектам, а именно: наличие субъектных клитик при глаголе во 2 лице ед. и в 3 лице ед. и мн.ч. (что характерно для диалектов венецианского типа, а также для фриульского языка) [6, с. 122]. Для иллюстрации функционирования обсуждаемых лексем информанта используется стратегия переключения кода. В последней части высказывания переключение кода происходит при цитировании слова третьего лица (о переключении при цитировании см.: [2; 3]).

Оказываясь в городской среде, информанты из соседних с Триестом населенных пунктов переходили на итальянский язык, что подтверждается фактами переключения кода. Однако в городе были и места, где говорили и по-словенски.

9.7 *A sma hodili v Trst, smo moyli, smo zmeraj kaj, smo šli kaj küpit, kaj peljat, pruodat, jaz sem ... od petnajst let sem hodila, še prej menda .. če se najdle osebe, če govori italijansko, smo moyli italijansko, če ne slovensko, nekatere, ko so javaril'e, ja, ko smo prišli ... v tryovino, v kakšne kraje, smo rekli: — Buon giorno, nesmo rekli, ko nesmo znali ka so, vedno talijansko, pusebno pa vojske* (А мы ходили в Триест, мы должны были, мы всегда ходили что-то купить, что-то отвезти, продать, я ... с пятнадцати лет ходила, может быть еще раньше, если находились люди, говорили по-итальянски, мы должны были по-итальянски, если нет, по-словенски, некоторые, когда говорили, когда мы приходили ... в магазин, мы говорили: — **Buon giorno**, мы не говорили, если мы не знали, кто они, всегда по-итальянски, особенно после войны) (Грочана).

Очень часто, говоря о событиях первой половины XX в., связанных с Триестом, собеседники вспоминают запрет на использование словенского языка при фашистах. Тогда были закрыты словенские и хорватские культурные и общественные организации [14, s. 213]. Эти воспоминания, очень болезненные, до сих пор остаются в памяти людей, особенно старшего поколения (о национальной травме и ее отражении в литературе см.: [49]). Таких нарративов записано много, приведем здесь только один фрагмент. В 9.8 информант вспоминает, как за разговор по-словенски фашисты могли дать пощечину:

9.8 *Nas niso pustili govorit slovensko, jaz se še spomnim, to si lahko zapišete, kako sem z mojo nono, šel v Trst s tramvajem, iz Opčin v Trst gre en tramvaj, zdaj bo začel delovati spet, in smo z nono govorili v tramvaju kot po navadi, po slovensko, ne, in je pršel en fašist, v črni srajci, in je rekel: — Qui si parla solo italiano! In je oklafutal mojo nono, pred mano, jaz sem se zgrozil, to samo da vam povem, kako so Slovenci imeli strah govorit po slovensko v Trstu* (Нам не позволяли говорить по-словенски, я еще помню, это можете записать, как я с моей бабушкой ехал в Триест на трамвае, из Вилла-Опичина в Триест ходит трамвай, сейчас он будет снова ходить. И мы говорили в трамвае как обычно по-словенски. И пришел один фашист, в черной рубашке, и сказал: «Здесь говорят только по-итальянски!» (итал.) и дал пощечину моей бабушке передо мной, я ужаснулся. Это только чтобы вам сказать, как словенцы боялись говорить по-словенски в Триесте) (Триест, Барковле).

Здесь использована стратегия переключения кода, собеседник переходит на итальянский язык, чтобы передать слова фашиста. Переключение кода при цитировании является довольно распространенной стратегией в двуязычных ситуациях [35, s. 152–158]. В следующем фрагменте описана уже современная ситуация: информант рассказывает о поездке в Триесте на автобусе и о разговоре с женщиной на автобусной остановке. Речь идет о диалоге, поэтому, помимо фраз собеседницы информанта, переданных по-итальянски, собственные ее реплики также приведены на итальянском

языке. В передаче итальянских лексем заметно отражение разговорных явлений, например, апокопированные формы глагола *essere* (*son*):

9.9 *Pol sem rekla: — Per andarme a ... che numero devo prendere? ne, a ona: — Va venticinque e va ventisei, e, ciò di venticinque, o! jebem ti vraya! ma pelje gor! po, po Via Rossetti! potem prišel osemindvajsti in je rekla, ne, piše, deposito via Broletto al kaj? Kaj jaz znan, kam? kej je deposito, pol pride druva, fuori servizio, pol pride petindvajsti, — Mah, ciò di venticinque! ne, una, a! dol, po, Via Mazzini, na Piazza della Borsa, pol po Corso Italia!, jaz sem se zgubila, sen rekla, ma jaz če, če ne, mi reče: — No son de quà, eno, — No so, e, ma, kaku ti moreš enga človeka poslat kako če ne znaš?! — Scusi, bi rekla, ne, — No so! bi prav bilo, in sem vprašala autista (И потом я сказала: — Чтобы мне доехать в ..., на какой автобус мне нужно сесть (итал.)? Да, а она: — Идет двадцать пятый и идет двадцать шестой, э, и тот двадцать пятый (итал.), о! какого черта! но он едет наверх! по, по Виа Россетти! потом пришел двадцать восьмой и она сказала, да, [на нем] написано, в гараж улица Бролетто (итал.) или что там? я знаю, куда там? где находится гараж (итал.), потом приходит второй, [на нем написано] посадки нет (итал.), потом приходит двадцать пятый, — Ну, этот двадцать пятый (итал.)! да, она, а! вниз, по, Виа Маццини, на Пьяцца-делла-Борса, потом по Корсо Италия-!, я потерялась, ... я сказала, но если я, если не, она мне говорит: — Я не отсюда (итал.), так, — Я не знаю (итал.), э, но, как ты можешь послать человека если не знаешь?! — Извините (итал.), она бы сказала, да, — Я не знаю (итал.)! это было бы нормально, и я спросила водителя (итал.) (Коммуна Дуино-Ауризина)*

Вставки на итальянском появляются при цитировании надписей на автобусе, а также при упоминании городской топонимики, в том числе даже тех частей названий, которые могли бы быть переданы по-словенски (итал. *via* — словен. *ulica* (улица), итал. *piazza* — словен. *trg* (площадь)) (см. также выше в разделе 6). Это неудивительно, поскольку в языковом ландшафте Триеста, особенно центральной его части, абсолютно доминирует итальянский язык, а доля надписей на словенском составляет 1,7% [31, р. 75]. Ср., например, следующий нарратив, где находим как раз передачу топонима по-словенски (*trg Goldoni* — площадь Гольдони (*Piazza Goldoni*)):

9.10 *Imate opisano tržnico, ki je bila na trgu Goldoni, današnjem trgu Goldoni v Trstu, nekoč se je to imenovalo Piazza della Legna, torej, e, Lesni trg. ... prav na tistem prehodu, ker sem vam rekla, od Portici di Chiozza, pogledjte, to vam dam tako in tako, zdaj vidite, da je tako slab zemljevid, Piazza Oberdan, Coroneo, tukaj, Volti di Chiozza* (Здесь у вас описан рынок, который был на площади Гольдони, современной площади Гольдони в Триесте, когда-то это место назвалось Пьяцца-делла-Ленья, то есть, э, Деревянная площадь... как раз на этом переходе, где я вам сказала, от Портичи-ди-Кьюцца, посмотрите, это я вам могу дать, сейчас видите, такая плохая карта, Пьяцца-Обердан, [улица] Коронео, здесь Вольти-ди-Кьюцца) (Триест).

Итальянские названия остаются неизменными даже в позиции после предлога. Данный отрывок интересен еще тем, что здесь информант использует один раз стратегию дублирования при передаче топонимов переводит Пьяцца-делла-Ленья на словенский язык (о стратегии дублировании при передаче топонимов см.: [4, с. 228–233]). Остальные топонимы употреблены в итальянском варианте.

Если раньше итальянский язык звучал исключительно в Триесте, в последнее время наблюдается переселение итальянцев из города в близлежащие села, что связано с общемировой тенденцией, когда горожане переезжают за город, но при этом продолжают работать в городской среде (о субурбанизации в Триесте и прилегающих

словенских районах как новом явлении см.: [23]). Ранее было наоборот: по свидетельствам местных жителей, их односельчане оставляли свои дома и перебирались в Триест. Преимуществом переселения в окрестные села, как отмечают местные жители, является лучшая экология и цены на недвижимость, а также высокая плотность населения в городской черте [23, p. 76]. Таким образом, сейчас не во всех словенских селах уже наблюдается гомогенный состав. Среди жителей города популярны *осмицы* (словен. *osmica* — сельское заведение, в котором сельские жители могут продавать вино собственного производства и другие продукты (хлеб, колбасы, пршут) — названо так потому, что раньше крестьянам разрешали продавать вино только восемь дней в году [44]). Эта лексема закрепилась в диалекте Триеста (итал. *osmiza* [41, p. 135]), ср. также образованное от этого *osmizaro* — владелец осмицы). Молодежь из города активно участвует в культурных мероприятиях, что видно на примере из Сан-Дорлиго-делла-Валле:

9.10 *Vasi v okolici Trsta, bodisi v Bregu, kot na Krasu, so do pred nekaj desetletij bile popolnoma slovenske, dokler se niso potem začeli priseljevat tudi ljudje iz mesta in Italijani tudi iz drugih krajev, e, so te vasi, tukaj skupnost je bila v bistvu precej zaprta* (Деревни в окрестностях Триеста, все равно — на Бреге или на Красе, еще несколько десятилетий тому назад были целиком словенские, пока не начали переселяться люди из города и итальянцы из других мест, эти деревни, здесь общество было очень закрытым) (Долина).

9.11 *Pridejo Italijani, ki se preselijo v vas, otroci recimo s štirinajstim letom pridejo, potem se vključejo v to fantovsko in dekleško združbo, tudi če ne znajo besede slovensko, je komunikacija v slovenščini, eventuelno se jim prevaja, ampak potem se tistih osnovnih izrazov hitro naučijo, tako da ni problema* (Приходят итальянцы, которые переселились в деревню, дети приходят туда в четырнадцать лет, потом они включаются в это общество, даже если они не знают ни слова по-словенски, коммуникация идет по-словенски, возможно им кто-то переводит, но потом они быстро выучивают основные выражения, так что проблем нет) (Долина).

С другой стороны, включенность переселенцев в культурную и общественную жизнь населенных пунктов может быть разной. В Мачковле отмечают, что коренные жители не знают ничего о поселенцах, говорящих по-итальянски, что они только живут в деревне и никак не взаимодействуют с местными жителями. В таком случае можно говорить о непересекающихся сообществах (в этом контексте Д. Ягодиц пишет о непросом сосуществовании между сельской словенской культурой и городской итальянской культурой [23, p. 82]).

9.12 *Wənə ... bivəjo, stanujo, bašta, druγo, wənə, njihowə žiwljenje, nə znaš, kətere, kəku jest, sploh, se nəč družijo kaj z namə ... tisti, k so talijansko, mi jih ne poznamo, Italijani se nəč kaj nej ščejo z nami, tisti, k sə pəršlə stanov... bivət v Mačkovlje, k so čəple te hiše, to, mi ne znamo, nə kdə je nə nəč* (Они ... живут, и все, во-вторых, они, их жизнь, ты не знаешь, какая она, вообще, они с нами практически не общаются. Те, кто говорит по-итальянски, мы их не знаем, итальянцы не хотят с нами общаться, те, кто приехал жить сюда в Мачковле, которые купили дома, мы не знаем, ни кто, ничего) (Мачковле).

10. Таким образом, восприятие Триеста в нарративах местных словенцев многослойно. Триестинский регион является уникальным примером славяно-романского контактирования и одной из важнейших составляющих региональной идентичности словенского сообщества в Италии. С культурно-языковой точки зрения город ассоциируется с доминированием итальянского языка, в особенности городского диалекта,

что отражается не только в языковом репертуаре словенцев, но и в терминологии разных пластов лексики (в названии профессий, в городской топонимике, этнохоронимах и т. д.). Отдельной темой является насильственная италянизация в период фашизма, что до сих пор воспринимается болезненно. С другой стороны, признается влияние Триеста в культурной и общественной жизни всех словенцев. Однако процессы языкового заимствования не односторонние, хотя и неравнозначные по объему: в итальянском диалекте Триеста фиксируются заимствования из славянских языков, которые отражают специфику взаимоотношений между двумя общинами.

Географические и социокультурные особенности накладывают отпечаток на восприятие Триеста как единственного города в регионе, в котором сосредоточена вся экономическая и культурная деятельность целого региона, сам город воспринимается как пространство, лежащее у моря, внизу. Соседние поселения экономически всегда тяготели к Триесту, чем и объясняется характер миграций, которые прежде были направлены исключительно в город (эмиграция и маятниковая миграция, важное место в последней занимают рынок и деятельность, связанная с продажей сельскохозяйственной продукции, а также работа на предприятиях города), а сегодня приобрели и иное направление, что приводит к формированию новой этнокультурной ситуации. Если раньше сельские жители устремлялись в городскую среду, то сейчас представители городской италофонной среды мигрируют в сельскую среду (в том числе и на соседнюю словенскую территорию), где словенский язык доминирует. Это явление появилось относительно недавно, и предсказать его последствия пока невозможно. Сейчас мы наблюдаем языковую ситуацию на славянско-романском пограничье *in statu nascendi*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Мартынова М. Ю.* Модель Триеста и население италяно-славянского пограничья // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы / отв. ред. и сост. М. Е. Кабицкий, М. Ю. Мартынова. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2016. С. 146–173.
- 2 *Перехвальская Е. В.* Репортативная речь в удэгейском языке и шире // Вопросы языкознания. 2020. № 1. С. 84–103.
- 3 *Пилипенко Г. П.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // Jezikoslovní zapiski. 2017. Vol. 23. № 1. С. 153–171.
- 4 *Пилипенко Г. П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М.: Нестор-История, 2017. 336 с.
- 5 *Старикова Н. Н.* «Мой триестинский адрес»: этнокультурная самоидентификация писателя в условиях словенско-итальянского пограничья // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 434–445.
- 6 *Чельшева И. И.* Диалекты Италии // Языки мира: Романские языки / под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. М.: Academia, 2001. С. 90–146.
- 7 *Ясинская М. В.* Жизнь на пограничье глазами словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) (в печати).
- 8 *Ara A., Magris C.* Trieste: un'identità di frontiera. Torino: Einaudi, 1987. 216 p.
- 9 *Bialasiewicz L., Minca C.* The 'border within': inhabiting the border in Trieste Environment and Planning // Society and Space. 2010. Vol. 28. P. 1084–1105.
- 10 *Bufon M.* Spreminjanje etnične in socialne strukture slovenskih krajev na Tržaškem pod vplivom družbene modernizacije // Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja. 2019. № 82. S. 49–64.

- 11 15° Censimento generale della popolazione e delle abitazioni. 9 ottobre 2011. Struttura demografica della popolazione. Dati definitive. URL: http://www.istat.it/it/files/2012/12/volume_popolazione-legale_XV_censimento_popolazione.pdf (дата обращения: 24.08.2020).
- 12 *Chmel P.* Un Nuovo Arrivato? L'immagine dello "slavo" negli scritti di autori triestini dell'inizio del Novecento // *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja.* 2010. № 63. P. 104–123.
- 13 *Čebren Lipovec N.* Post-war Urbanism along the contested Border: some observations on Koper/Carpodistria and Trieste/Trst // *Dve domovini. Two Homelands.* 2019. № 49. P. 199–220.
- 14 *Darovec D.* Kratka zgodovina Istre. Koper: Annales, 2008. 306 s.
- 15 *Deželjin V.* Reflexes of the Habsburg empire multilingualism in some Triestine literary texts // *Jezikoslovlje.* 2012. Vol. 13. № 2. P. 419–437.
- 16 *Doria M.* Sugli slavismi del dialetto triestino giunti per intermediazione friulana // *Studi forogiuliesi in onore di Carlo Guido Mor.* Udine: Deputazione di storia patria per il Friuli, 1983. P. 130–150.
- 17 *Doria M.* Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologio, fraseologico. Trieste: Edizioni "Il Meridiano", 1987. 1022 p.
- 18 *Ferluga F.* Dragotin Kette in Trst: razmišljanja o pesnikovem predsmrtnem ustvarjalnem obdobju // *Živeti mejo / ur. M. Košuta.* Trst: Slavistično društvo, 2007. S. 69–77.
- 19 *Godnič N.* O nabrežinskem narečju // *Nabrežina skozi stoletja.* Nabrežina: Slovensko kulturno društvo Igo Gruden, 2006. S. 349–363.
- 20 Hrvatski jezični portal. URL: www.hjp.znanje.hr (дата обращения: 24.08.2020)
- 21 Istarski rječnik. URL: www.istarski-rjecnik.com (дата обращения: 24.08.2020).
- 22 *Ivančič Kutin B.* Slovar bovškega govora. Ljubljana: ZRC, 2007. 116 s.
- 23 *Jagodić D.* Mobilità residenziale transfrontaliera nel contesto dell'Unione europea: il caso del confine italo-sloveno // *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja.* 2019. № 82. P. 49–64.
- 24 *Kaučič-Baša M.* Ohranjanje slovenščine med Slovenci na Tržaškem // *Živeti mejo / ur. M. Košuta.* Trst: Slavistično društvo, 2007. P. 193–209.
- 25 *Keber J.* Slovar slovenskih frazemov. Elektronski vir. Ljubljana: ZRC SAZU, 2015 // *Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.* URL: www.fran.si (дата обращения: 24.08.2020).
- 26 *Kravos B.* Slovenska dramatika in tržaški tekst. Ljubljana: Slovenski gledališki muzej, 2011. 187 s.
- 27 *Ledinek Lojzek Š.* Šavrinke — preprodajalke med osrednjo Istro in obalnimi mesti ter nosilke simbolnih identifikacij: družbenozgodovinske okoliščine delovnih migracij in šavrinizacije istrskega podeželja // *Dve domovini. Two Homelands.* 2014. № 40. S. 47–55.
- 28 *Marc Bratina K.* Jezikovna podoba Slovenske Istre. Kulturna semantika slikovitega v slovenskoistrskem narečju. Koper: Univerza na Primorskem, ZRS, Annales, 2014. 268 s.
- 29 *Mercina M.* Vloga Trsta v ustvarjanju Cirila Kosmača // *Živeti mejo / ur. M. Košuta.* Trst: Slavistično društvo, 2007. S. 95–107.
- 30 *Mezgec M.* Funkcionalna pismenost v manjšinskem jeziku. Primer slovenske manjšine v Italiji. Koper: Annales, 2012. 270 s.

- 31 *Mezgec M.* Linguistic Landscape as a Mirror: the case of the Slovene minority in Italy // *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*. 2016. № 77. P. 67–86.
- 32 *Morič T.* Narodna glazbala Istre // *Epulon. Kulturna baština*. 2007. № 5. S. 157–162.
- 33 *Morris. A. M.* «In the Language of the Outlaw»: Joyce, Svevo, and the Appropriation of Marginalized Dialects. Dissertations, Theses, and Masters Projects. Virginia: College of William & Mary — Arts & Sciences, 1995. 57 p.
- 34 *Mucci C.* Slovenske mlekarice v Tržiču. Le lattaie slovene a Monfalcone. Ronchi dei Legionari: ACRS Jadro. 2003. 123 s.
- 35 *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: SANU, 2009. 228 s.
- 36 *Pizzi K.* The city in search of an author. The literary Identity of Trieste. L., N.Y.: Sheffield Academic Press, 2001. 218 p.
- 37 *Pizzi K.* Trieste: una frontiera letteraria. Trieste: Vita Activa, 2018. 184 p.
- 38 *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Elektronski vir. Ljubljana: ZRC SAZU, 2014 // Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si (дата обращения: 24.08.2020).
- 39 *Repinc M. et al.* Mlekarice iz tržaške okolice. Le donne del latte dei dintorni di Trieste. Opčine: SKD Tabor, 2000. 69 s.
- 40 *Skok P.* Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja. Zagreb: Jadranski institut JAZU, 1950. 374 s.
- 41 *Skubic M.* Ai margini di una pubblicazione importante: Mario Doria, Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologico, fraseologico, edizioni «Il Meridiano», Trieste 1987 // *Linguistica*. 2015. Vol. 28. № 1. P. 133–139.
- 42 *Slovar slovenskega knjižnega jezika.* Elektronska objava. Ljubljana: ZRC SAZU, 2014 // Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si (дата обращения: 24.08.2020).
- 43 *Smole V.* 2001. Zahodna slovenska narečja // *Enciklopedija Slovenije*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2001. Vol. 15. S. 35–38.
- 44 *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: ZRC SAZU, 2015 // Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si (дата обращения: 24.08.2020).
- 45 *Spicijarić Paškvan N.* Prilog bibliografiji radova o fījumanskom i tršćanskom idiomu // *Problemi sjevernog Jadrana*. 2015. № 14. S. 83–100.
- 46 *Špehonja N.* Vocabolario nediško-italiano. 2010. 346 p. URL: http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Spohonja_2010_vocabolario_nedisko_italiano.pdf (дата обращения: 24.08.2020).
- 47 *Toroš A.* Teaching Minority Literature: the Case of Trieste // *Razprave in gradivo revija za narodnostna vprašanja*. 2019. № 83. P. 83–93.
- 48 *Toroš A.* Triestinità and Tžaskost: Commom Points and Differences // *Slovene studies*. 2014. Vol. 36. № 1. P. 39–54.
- 49 *Tufi S.* Shared places, unshared identities: Vernacular discourses and spatialized constructions of identity in the linguistic landscape of Trieste // *Modern Italy*. 2013. Vol. 18. № 4. P. 391–408.
- 50 *Utek L.* Poti tržaškega romana // *Živeti mejo* / ur. M. Košuta. Trst: Slavistično društvo, 2007. S. 108–119.
- 51 *Vidau Z.* The Legal Protection of National and Linguistic Minorities in the Region of Friuli Venezia Giulia: A Comparision of the Three Regional Laws for the „Slovene

- Linguistic Minority”, for the „Friulian Language” and for the „German-Speaking Minorities” // Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja. 2013. № 71. P. 27–52.
- 52 Vidau Z. Medkulturni položaj mladih, ki se šolajo v slovenskem jeziku v Italiji // Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja. 2015. № 74. S. 23–39.
- 53 Volpi Lisjak B. O zgodovini in dediščini slovenskega morskega ribištva: ribiški muzej tržaškega primorja. Ljubljana, Križ: slovenski etnografski muzej, 2013. 150 s.
- 54 Zanotti S. An Italianate Irishman: Joyce and the Languages of Trieste // James Joyce Quarterly. 2001. Vol. 38. № 3/4. P. 411–430.

© 2022. Gleb P. Pilipenko
Moscow, Russia

PERCEPTION OF TRIESTE IN NARRATIVES OF SLOVENES IN ITALY

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation 20-78-10030 “Linguistic and cultural contacts in conditions of social transformations among national minorities of the Alpine-Pannonian region”.

Abstract: The paper deals with the perception of Trieste in the narratives of representatives of Slovenian minority community in Italy in the aspect of Slavic-Romance language and cultural contacts. Basing on his own field study, as well as, lexicographic data and ethnographic literature, the author analyzes words and utterances (including phraseological units) that mention Trieste, related toponyms and socio-economic practices. While paying special attention to the language situation in the city and neighboring villages, the paper also discusses significance of the Italian language and the local dialect of Trieste as well as borrowed Slavic lexemes and expressions, their functioning in the speech of citizens. Linguistic and cultural identity of this group of Slovenian informants is closely related to Trieste. On the one hand, the informants associate Trieste with predominance of the Italian language, which manifests in their speech as code switching forms, on the other, they recognize the importance of Trieste in a socio-economic and cultural life of all Slovenes. The parallel co-existence of two communities has recently undergone changes: italophone residents of the city discover homogeneous Slovenian settlements, so that the new language situation is in statu nascendi.

Keywords: Slovenian language, Italian language, Trieste, dialect, field study, Italy, narrative, toponyms, code switching, identity.

Information about the author: Gleb P. Pilipenko — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5422-0039> E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Received: December 03, 2020

Approved after reviewing: February 06, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Pilipenko G. P. Perception of Trieste in narratives of Slovenes in Italy. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 247–267. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-247-267>

REFERENCES

- 1 Martynova M. Iu. Model' Triesta i naselenie ital'iano-slavianskogo pogranich'ia [The model of Trieste and the population on the Italian Slovenian border]. In: *Evropa men'shinstv — men'shinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i iazykovye gruppy* [Europe of minorities, minorities in Europe, Ethnocultural, religious and language groups], edited and compiled by M. E. Kabitskii, M. Iu. Martynova. Moscow, Izdatel'stvo IEA RAN Publ., 2016, pp. 146–173. (In Russian)
- 2 Perekhval'skaia E. V. Reportativnaia rech' v udegeiskom iazyke i shire [Reporting speech in Udege language and wider]. *Voprosy iazykoznanii*, 2020, no 1, pp. 84–103. (In Russian)
- 3 Pilipenko G. P. Perekliuchenie koda v rusском iazyke staroobriadtssev Latgalii [Code-Switching in Russian of the Old Believers in Latgale]. *Jezikoslovni zapiski*, 2017, vol. 23, no 1, pp. 153–171. (In Russian)
- 4 Pilipenko G. P. *Iazykovaia i etnokul'turnaia situatsiia vovodinskikh vengrov: vzgliad "iznutri" i "izvne"* [Linguistic and ethnocultural situation of Vojvodina Hungarians, The view from inside and from the outside]. Moscow, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 336 p. (In Russian)
- 5 Starikova N. N. "Moi triestinskii adres": etnokul'turnaia samoidentifikatsiia pisatel'ia v usloviiakh slovensko-ital'ianskogo pogranich'ia [My Triestine address: author's ethnocultural self-identification in Slovenian-Italian border situation]. *Slavianskii al'manakh*, 2019, no 1–2, pp. 434–445. (In Russian)
- 6 Chelysheva I. I. Dialekty Italii [The dialects of Italy]. In: *Iazyki mira: Romanskie iazyki* [Languages of the world: Romance languages], edited by I. I. Chelyshevoi, B. P. Narumova, O. I. Romanovoi. Moscow, Academia Publ., 2001, pp. 90–146. (In Russian)
- 7 Iasinskaia M. V. Zhizn' na pogranich'e glazami slovenskogo etnicheskogo men'shinstva v Italii (provintsiia Goritsiia) [Life at the borderlands through the eyes of Slovenian ethnic minority in Italy (province of Gorizia)]. (V pechati). (In Russian)
- 8 Ara A., Magris C. *Trieste: un'identità di frontier* [Trieste: identity of the border]. Torino, Einaudi Publ., 1987. 216 p. (In Italian)
- 9 Bialasiewicz L., Minca C. The 'border within': inhabiting the border in Trieste Environment and Planning. *Society and Space*, 2010, vol. 28, pp. 1084–1105. (In English)
- 10 Bufon M. Spreminjanje etnične in socialne strukture slovenskih krajev na Tržaškem pod vplivom družbene modernizacije [Changes of the Historically Slovene Places Nearby Trieste Under the Influences of Social Modernization]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2019, no 82, pp. 49–64. (In Slovenian)
- 11 *15° Censimento generale della popolazione e delle abitazioni. 9 ottobre 2011. Struttura demografica della popolazione. Dati definitive* [15th General population census. October 9, 2011. Demographic structure of the population. Final data]. Available at: http://www.istat.it/it/files/2012/12/volume_popolazione-legale_XV_censimento_popolazione.pdf (accessed 24 August 2020). (In Slovenian)

- 12 Chmel P. Un Nuovo Arrivato? L'immagine dello "slavo" negli scritti di autori triestini dell'inizio del Novecento [The Image of "Slavs" in the Works of the Early 20th Century Triestine Authors]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2010, no 63, pp. 104–123. (In Italian)
- 13 Čebren Lipovec N. Post-war Urbanism along the contested Border: some observations on Koper/Capodistria and Trieste/Trst. *Dve domovini. Two Homelands*, 2019, no 49, pp. 199–220. (In English)
- 14 Darovec D. *Kratka zgodovina Istre* [Short history of Istria]. Koper, Annales Publ., 2008. 306 p. (In Slovenian)
- 15 Deželjin V. Reflexes of the Habsburg empire multilingualism in some Triestine literary texts. *Jezikoslovlje*, 2012, vol. 13, no 2, pp. 419–437. (In English)
- 16 Doria M. Sugli slavismi del dialetto triestino giunti per intermediazione friulana [On the Slavisms of the Triestine dialect joints for Friulian intermediation]. In: *Studi forogiuliesi in onore di Carlo Guido Mor* [Forogoiiese Studies in Honor of Carlo Guido Mor]. Udine, Deputazione di storia patria per il Friuli Publ., 1983, pp. 130–150. (In Italian)
- 17 Doria M. *Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologico, fraseologico* [Big dictionary of the Triestine dialect: historical, etymological, phraseological]. Trieste, Edizioni "Il Meridiano" Publ., 1987. 1022 p. (In Italian)
- 18 Ferluga F. Dragotin Kette in Trst: razmišljanja o pesnikovem predsmrtnem ustvarjalnem obdobju [Dragotin Kette in Trieste: reflections on author's near-death works]. In: *Živeti mejo* [Living the border], edited by M. Košuta. Trst, Slavistično društvo Publ., 2007, pp. 69–77. (In Slovenian)
- 19 Godnič N. O nabrežinskem narečju [On Aurisina dialect]. In: *Nabrežina skozi stoletja* [Aurisina through the centuries]. Nabrežina, Slovensko kulturno društvo Igo Gruden Publ., 2006, pp. 349–363. (In Slovenian)
- 20 *Hrvatski jezični portal* [Croatian linguistic portal]. Available at: www.hjp.znanje.hr (accessed 24 August 2020). (In Croatian)
- 21 *Istarski rječnik* [Dictionary of dialects in Istria]. Available at: www.istarski-rjecnik.com (accessed 24 August 2020). (In Croatian)
- 22 Ivančič Kutin B. *Slovar bovškega govora* [Dictionary of Bovec dialect]. Ljubljana, ZRC Publ., 2007. 116 p. (In Slovenian)
- 23 Jagodic D. Mobilità residenziale transfrontaliera nel contesto dell'Unione europea: il caso del confine italo-sloveno [Cross-border Residential Mobility in the Context of the European Union: The Case of the Italiana-Slovenian Border]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2019, no 82.b, pp. 49–64. (In Italian)
- 24 Kaučič-Baša M. Ohranjanje slovenščine med Slovenci na Tržaškem [Maintenance of Slovenian language among Slovenians in Trieste area]. In: *Živeti mejo* [Living in the border], edited by M. Košuta. Trst, Slavistično društvo Publ., 2007, pp. 193–209. (In Slovenian)
- 25 Keber J. Slovar slovenskih frazemov. Elektronski vir [Dictionary of Slovenian Idioms. Electronic resource]. Ljubljana, ZRC SAZU Publ., 2015. *Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* [Fran: Dictionaries of the Slovenian Language Institute of Fran Ramovš ZRC SAZU]. Available at: www.fran.si (accessed 24 August 2020). (In Slovenian)
- 26 Kravos B. *Slovenska dramatika in tržaški tekst* [Slovenian drama and Triestian text]. Ljubljana, Slovenski gledališki muzej Publ., 2011. 187 p. (In Slovenian)

- 27 Ledinek Lojzek Š. Šavrinke — preprodajalke med osrednjo Istro in obalnimi mesti ter nosilke simbolnih identifikacij: družbenozgodovinske okoliščine delovnih migracij in šavrinizacije istrskega podeželja [Šavrinkas — Migrant Women Traders between Central Istria and Coastal Towns and Bearers of Symbolic Identifications: Sociohistorical Conditions of Labour Migrations and the Šavrinization of the Istrian Countryside]. *Dve domovini. Two Homelands*, 2014, no 40, pp. 47–55. (In Slovenian)
- 28 Marc Bratina K. *Jezikovna podoba Slovenske Istre. Kulturna semantika slikovitega v slovenskoistrskem narečju* [Linguistic image of Slovenian Istria. Cultural semantics of the picturesque in the Slovenian dialect of Istria]. Koper, Univerza na Primorskem, ZRS, Annales Publ., 2014. 268 p. (In Slovenian)
- 29 Mercina M. Vloga Trsta v ustvarjanju Cirila Kosmača [The role of Trieste in Ciril Kosmač's works]. In: *Živeti mejo* [Living in the border], edited by M. Košuta. Trst, Slavistično društvo Publ., 2007, pp. 95–107. (In Slovenian)
- 30 Mezgec M. *Funkcionalna pismenost v manjšinskem jeziku. Primer slovenske manjšine v Italiji* [Functional literacy in minority language. The Case of Slovenian minority]. Koper, Annales Publ., 2012. 270 p. (In Slovenian)
- 31 Mezgec M. Linguistic Landscape as a Mirror: the case of the Slovene minority in Italy [Treatises and documents. Journal of ethnic studies]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2016, no 77, pp. 67–86. (In English)
- 32 Morić T. Narodna glazbala Istre [Folk instruments of Istria]. *Epulon. Kulturna baština*, 2007, no 5, pp. 157–162. (In Croatian)
- 33 Morris. A. M. *“In the Language of the Outlaw”: Joyce, Svevo, and the Appropriation of Marginalized Dialects. Dissertations, Theses, and Masters Projects*. Virginia, College of William & Mary — Arts & Sciences Publ., 1995. 57 p. (In English)
- 34 Mucci C. *Slovenske mlekarice v Tržiču. Le lattaie slovene a Monfalcone* [Slovenian diaries in Monfalcone]. Ronchi dei Legionari, ACRS Jadro Publ., 2003. 123 p. (In Slovenian, Italian)
- 35 Petrović T. *Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika* [Serbs in Bela Krajina. Linguistic ideology in language shift process]. Beograd, SANU Publ., 2009. 228 p. (In Serbian)
- 36 Pizzi K. *The city in search of an author. The literary Identity of Trieste*. London, New York, Sheffield Academic Press Publ., 2001. 218 p. (In English)
- 37 Pizzi K. *Trieste: una frontiera letteraria* [Trieste: literary border]. Trieste, Vita Activa Publ., 2018. 184 p. (In Italian)
- 38 Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Elektronski vir [Slovenian-German dictionary. Electronic resource]. Ljubljana, ZRC SAZU Publ., 2014. *Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* [Fran: Dictionaries of the Slovenian Language Institute of Fran Ramovš ZRC SAZU]. Available at: www.fran.si (accessed 24 August 2020). (In Slovenian)
- 39 Repinc M. et al. *Mlekarice iz tržaške okolice. Le donne del latte dei dintorni di Trieste* [Diaries from the Trieste area]. Opčine, SKD Tabor Publ., 2000. 69 p. (In Slovenian, Italian)
- 40 Skok P. *Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja* [Slavs and Romans' Items on the Adriatic Islands. Toponymic Studies]. Zagreb, Jadranski institut JAZU Publ., 1950. 374 p. (In Croatian)
- 41 Skubic M. Ai margini di una pubblicazione importante: Mario Doria, Grande dizionario del dialetto triestino: storico, etimologico, fraseologico, edizioni “Il Meridiano”,

- Trieste 1987 [In the margins of an important publication: Big dictionary of the Triestine dialect: historical, etymological, phraseological, publ. "Il Meridiano", Trieste 1987]. *Linguistica*, 2015, vol. 28, no 1, pp. 133–139. (In Italian)
- 42 Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska objava [Dictionary of Slovenian Literary Language. Electronic publication]. Ljubljana, ZRC SAZU Publ., 2014. *Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* [Fran: Dictionaries of the Slovenian Language Institute of Fran Ramovš ZRC SAZU]. Available at: www.fran.si (accessed 24 August 2020). (In Slovenian)
- 43 Smole V. 2001. Zahodna slovenska narečja [Western Slovenian dialects]. *Enciklopedija Slovenije* [Encyclopedia of Slovenia]. Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 2001, vol. 15, pp. 35–38. (In Slovenian)
- 44 Snoj M. Slovenski etimološki slovar [Slovenian etymological dictionary]. Ljubljana, ZRC SAZU Publ., 2015. *Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* [Fran: dictionaries of the Slovenian language institute of Fran Ramovš ZRC SAZU]. Available at: www.fran.si (accessed 24 August 2020). (In Slovenian)
- 45 Spicijarić Paškvan N. Prilog bibliografiji radova o fijumanskom i tršćanskom idiomu [A Tribute to the Bibliography of Papers on Fiume and Trieste Idioms]. *Problemi sjevernog Jadrana*, 2015, no 14, pp. 83–100. (In Croatian)
- 46 Špehonja N. *Vocabolario nediško-italiano* [Slovenian dialect of Natisone Valley-Italian Dictionary]. 2010. 346 p. Available at: http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Spohonja_2010_vocabolario_nedisko_italiano.pdf (accessed 24 August 2020). (In Italian)
- 47 Toroš A. Teaching Minority Literature: the Case of Trieste. *Razprave in gradivo revija za narodnostna vprašanja*, 2019, no 83, pp. 83–93. (In English)
- 48 Toroš A. Triestinità and Tžaskost: Commom Points and Differences. *Slovene studies*, 2014, vol. 36, no 1, pp. 39–54. (In English)
- 49 Tufi S. Shared places, unshared identities: Vernacular discourses and spatialized constructions of identity in the linguistic landscape of Trieste. *Modern Italy*, 2013, vol. 18, no 4, pp. 391–408. (In English)
- 50 Umek L. Poti tržaškega romana [The paths of the Triestine novel]. In: *Živeti mejo* [Living the border], edited by M. Košuta. Trst, Slavistično društvo Publ., 2007, pp. 108–119. (In Slovenian)
- 51 Vidau Z. The Legal Protection of National and Linguistic Minorities in the Region of Friuli Venezia Giulia: A Comparision of the Three Regional Laws for the "Slovene Linguistic Minority", for the "Friulian Language" and for the "German-Speaking Minoroties". *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2013, no 71, pp. 27–52. (In English)
- 52 Vidau Z. Medkulturni položaj mladih, ki se šolajo v slovenskem jeziku v Italiji [Intercultural Condition of Youth Studying Slovenian Language in Italy]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*, 2015, no 74, pp. 23–39. (In Slovenian)
- 53 Volpi Lisjak B. *O zgodovini in dediščini slovenskega morsklega ribištva: ribiški muzej tržaškega primorja* [On the history and heritage of Slovenian sea fishing. The fishing museum of the Trieste coast]. Ljubljana, Križ, slovenski etnografski muzej Publ., 2013. 150 p. (In Slovenian)
- 54 Zanotti S. An Italianate Irishman: Joyce and the Languages of Trieste. *James Joyce Quarterly*, 2001, vol. 38, no 3/4, pp. 411–430. (In English)